

В. Г. Белинский

Борис Годунов. Трагедия...
М. Лобанова

Виссарион Григорьевич Белинский

Борис Годунов. Трагедия...
М. Лобанова

«...Тяжелый херасковский шестистопный ямб заменил он пятистопным безрифменным; над заветными триединствами наругался безжалостно; вместо греков и римлян древних времен вывел русских XVI века. Но, повторяю, это только костюм, сущность же все та же, старая, классическая, бездушная. Ни страстей, ни характеров, ни стихов, ни интереса – нет ничего этого...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0008

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Борис Годунов. Трагедия...
М. Лобанова**

БОРИС ГОДУНОВ. Трагедия в трех действиях М. Лобанова. Санкт-Петербург. Печатано в типографии Х. Гинце. 1835. 110. (8).

Автор этой трагедии был некогда в числе *знаменитых*. В каком-то плохом журнале, кажется в «Новостях литературы», издававшихся г. Воейковым в 20-х годах, перевод г-на Лобанова Расиновой «Федры» был назван лучшим русским переводом *первой* в свете трагедии[1]. Увы! с тех пор много утекло воды! Много произошло перемен! *Первая* трагедия в свете забыта неблагодарным потомством, вместе с нею забыт и ее знаменитый переводчик. Так, его забыли; но он не изменился, хотя и все изменилось вокруг него – и люди и мнения. Впрочем, нимало не изменившись сам, он заметил всеобщую перемену во вкусах и понятиях. Вследствие этого он вышел на знакомое ему поприще с теми же словами, с теми же старыми вещами, но в новом, модном костюме. Тяжелый херасковский шестистопный ямб заменил он пятистопным безрифменным; над заветными триединствами наругался безжалостно; вместо греков и римлян древних времен вывел русских XVI века. Но, повторяю, это только костюм, сущность же все та же, старая, классическая, бездушная. Ни страстей, ни характеров, ни стихов, ни ин-

тереса – нет ничего этого; все холодно, поддельно, придумано, нарумянено, все на ходулях, без всякой естественности. Например, Борис, этот великий характер, который и в самом злодействе должен быть велик, признается в своем преступлении жене и дочери с жалкою трусостью неопытного новичка в пороке. Его жена и дочь – истинные наперсницы классических трагедий. Грустно читать подобные произведения, тем более грустно, когда они, несмотря на свою юродивость, бывают плодом жалкого заблуждения, а не шарлатанства, не меркантильности! Г-н Лобанов писал эту трагедию с 1825 года, то есть почти *десять лет*: не классицизм ли это? Не явное ли это доказательство, что почтенный автор совсем не поэт? что он сделал, а не создал свою поэму? Было время, когда все были уверены, что немножко стихотворного дарования при знании правил и литературной образованности составляют поэта, что чем долее сочинялась пьеса и чем больших трудов стоила своему автору, тем она была лучше: неужели все это надо опровергать? Повторяю: грустно видеть человека, может быть, с умом, с об-

разованностью, но заматоревшего в устаревших понятиях и застигнутого потоком новых мнений! Он трудится честно, добросовестно, а над ним смеются; он никого не понимает, и его никто не понимает. Не могу представить себе ужаснейшего положения!..

Примечания

Борис Годунов. Трагедия... М. Лобанова (с. 400–401). Впервые – «Молва», 1835, ч. IX, № 23, «Новые книги», стлб. 382–384 (ц. р. 7 июня). Подпись: (-он – инский). Вошло в КСсБ, ч. I, с. 389–391.

Настоящая рецензия Белинского привела в негодование М. Лобанова, который не оставил ее без ответа. 18 января 1836 года он произнес речь в собрании императорской Российской академии (опубликовано позднее, в «Трудах императорской Российской Академии», ч. III. СПб., 1840), в которой, в частности, обрушился на современную русскую критику: «Критика, сия кроткая наставница и добросовестная подруга словесности, ныне обратилась в площадное гаерство, в литературное пиратство, в способ добывать себе поживу из кармана слабоумия дерзкими и буйными выходками, нередко даже против мужей государственных, знаменитых и гражданскими и литературными заслугами. Ни сан, ни ум, ни талант, ни лета, ничто не уважается» (с. 95).

Хотя в качестве примеров Лобанов приводил далее имена Ломоносова, Карамзина, но при этом он явно имел в виду и себя, обиженного рецензией Белинского, не пощадившей в нем ни лет, ни сана (М. Лобанов был действительным членом Российской академии). На обвинения Лобанова, граничившие с политическим доносом, ответил Пушкин в статье «Мнение М. Б. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» («Современник», 1836, т. III). С речью Лобанова Пушкин познакомился по протоколу, опубликованному в книжке «Заседание, бывшее в императорской Российской Академии 18 января 1836 г.» (СПб., 1836, приведенная выше цитата – на с. 24). Пушкин тем самым взял под защиту Белинского (см. об этом: Ю. Оксман. Переписка Белинского. Критико-библиографический обзор. ЛН, т. 56, с. 251–252). В 1841 г., рецензируя «Труды императорской Российской Академии», на речи М. Лобанова остановился Белинский, заметив, что эту речь надо было напечатать вместе с посвященной ей статьей Пушкина.

Комментарии

Возможно, речь идет о статье О. С<омова> «Федра», трагедия Расина, перевод М. Е. Лобанова...» («Сын отечества», 1823, № XLI), где, в частности, говорилось: «...Мы имеем наконец «Федру», достойную своего имени» (с. 260). В некоторых стихах перевода критик находил даже «больше поэзии, нежели в Расиновых» (с. 257).

[^^^]